

Структурные реформы и системный кризис

Михаил Мясникович,
доктор экономических наук,
профессор,
член-корреспондент
НАН Беларуси

Нынешний кризис, который переживают многие экономики, заставляет искать новые и нестандартные решения. Безусловно, стоит серьезно изучить теорию вопроса и извлечь уроки из предыдущих не менее трудных этапов развития.

Влияние кризисов на экономический рост исследовали многие известные ученые. Ряд концептуальных научных выводов и гипотез Н. Кондратьева, Дж.М. Кейнса, С. Кузнецца, П. Самуэльсона, А. Аганбегяна, С. Глазьева, Ю. Яковца, М. Кротова, А. Дайнеко, П. Никитенко, В. Шимова и других известных ученых сформулирован на экономическом анализе причинно-следственных явлений, вызванных глобальными и региональными кризисами. Например, ректор Российской академии народного хозяйства и госслужбы В. Мау утверждает, что

структурный кризис не тождественен спаду: в его рамках могут чередоваться периоды рецессии и развития, и в результате формируется новая модель экономического роста [1].

Не будем спорить с уважаемыми научными авторитетами, которыми, несомненно, являются С. Глазьев, В. Мау, А. Бугалин. Во многом они правы: и в том, что структурные кризисы цикличны, и в том, что сложность преодоления нынешнего заключается в глубокой интеграции в глобальное хозяйство, и в том, что необходимо сочетание либеральных экономических мер и жесткой денежной политики. Однако приходится констатировать, что системных рекомендаций применительно к современным условиям научное сообщество не выработало, в первую очередь потому, что быстро происходящие трансформации мировой экономики, появление принципиально новых ее секторов, глобальные процессы и многие другие факторы не являются классическими, во многом неизвестны экономической теории и требуют новых научных идей и практических решений. Даже предложения о заимствовании китайского опыта (С. Глазьев) выглядят не совсем убедительно хотя бы потому, что КНР сегодня вынуждена переходить к новой экономической модели. Нельзя не видеть и последствия не слишком рациональных решений в процессе бурного экономического роста в Китае: слабую социальную защиту, завышенную норму накопления, засилье госкорпораций и госбанков, объем «плохих» долгов на уровне золотовалютных резервов, невостребованные инфраструктурные проекты. Безусловно, эти «трудности роста» меркнут на фоне грандиозных экономических успехов страны и головокружительного повышения благосостояния полуторамиллиардного населения КНР.

Необходимо согласиться с мнением, что не следует путать кризис с деловым циклом. Кризис является одной из четырех его фаз, а не наоборот. После кризиса наступает вторая фаза цикла – депрессия, затем третья – оживление – и четвертая или последняя – подъем. Теория экономических циклов – это теория, объясняющая причины колебаний экономической активности общества во времени [2].

Ситуация достаточно сложная, надо искать и находить подходы в развитии отечественной экономики и, главное, последовательно и комплексно их реализовывать. Опять вернемся к опыту, который может быть полезен Беларуси.

Финансовый кризис, создавший массу проблем в ряде латиноамериканских государств в 1975–1982 гг., послужил одним из поводов принятия США и их партнерами по Бреттон-Вудской системе решений, согласно которым на МВФ и Всемирный банк возлагались обязанности выработки условий, только при наличии которых становилось возможным предоставление внешнего финансирования стране-заемщику. Эти условия трансформировались в программу структурных реформ. Поэтому нынешние условия предоставления МВФ средств Республике Беларусь не представляются чем-то оригинальным. Сформулированы они были около 30 лет тому назад и до сих пор являются, по мнению МВФ, лекарством: без реформ не будет денег ни от фонда, ни от частных инвесторов.

Что же такое эти знаменитые структурные реформы в первой редакции? «Вашингтонский консенсус» сформулирован английским экономистом Дж. Уильямсоном в 1989 г. как свод правил экономической политики для стран Латинской Америки, основанный на принципах, которые отражали общую позицию администрации США, МВФ и Всемирного банка, ведущих американских аналитических центров, а именно:

- Соблюдение фискальной дисциплины [минимальный дефицит бюджета, совершенствование налоговой системы].
- Приоритетность здравоохранения, образования и инфраструктуры в государственных расходах [приоритет социальной политики и инфраструктуры].
- Снижение процентных ставок налогов [стимулирование предпринимательской деятельности].
- Либерализация финансовых рынков для поддержания реальной ставки по кредитам на невысоком, но все же положительном уровне [приоритет эффективных инвестиций и товаропроизводителя].
- Свободный обменный курс национальной валюты.
- Либерализация внешней торговли [членство в ВТО, уменьшение импортных пошлин].
- Снижение ограничений для прямых иностранных инвестиций [многоукладность экономики, инновации, интеграция].
- Приватизация.
- Дерегулирование экономики [уход от директивных финансирования, ценообразования, налогообложения, перекрестного субсидирования].
- Защита прав собственности [законодательное закрепление].

(В скобках актуализировано применительно к экономике Беларуси в современных условиях. – Прим. авт.)

Уместен вопрос: насколько целесообразны данные догмы сегодня, три десятилетия спустя от момента их зарождения?

Общее прочтение изложенных рекомендаций не вызывает абсолютного невосприятия применительно к белорусской действительности: бюджетная дисциплина – дело святое, рыночные отношения и налоговая реформа совершенствуются, и есть позитивные подвижки в рейтингах Всемирного банка, процентные ставки, как и обменный курс, – либеральные и даже слишком, образование и медицина – государственный приоритет, права отечественных и иностранных собственников защищены законом, снятие торговых барьеров – норма законов и Договора о ЕАЭС. Какие угрозы тогда могут быть для национальной безопасности Беларуси? Дело, пожалуй, в абсолютизации Международным валютным фондом принципов «Вашингтонского консенсуса», стремлении «упаковать» сложную действительность трансформационной экономики в формальные математические модели. Так устроена система Фонда: его персонал прибывает в нашу страну с миссией, по результатам пишет доклад по отработанным подходам, которому верит Совет управляющих, принимающий окончательное решение. Но при этом и у Фонда, и у всех причастных к данным вопросам, и, конечно, у населения должно быть понимание, что реформы будут успешными лишь в том случае, если в процессе их проведения издержки и трудности, во-первых, будут носить временный характер, во-вторых, компенсируются, пусть не сразу, очевидными выгодами и, в-третьих, гарантируется целевая поддержка наиболее уязвимых категорий граждан.

Полагаю, что у Международного валютного фонда есть масса своих проблем, и в первую очередь недостаток собственного капитала. Так, встреча «финансовой двадцатки» в Сиднее в феврале 2014 г. подтвердила, что фактически МВФ финансирует существующие программы не из собственных ресурсов, которые исчерпал, а за счет заимствования средств у отдельных стран-членов. А это влечет более высокие проценты по кредитам для конечных получателей и более жесткие требования к новым программам. В эту проблемную зону попадают и наши обращения за помощью к МВФ. Недостаток его капитала рассматривался и раньше, на саммите «двадцатки» в 2009 г. в Лондоне, когда было рекомендовано предоставлять кредиты заемщикам не напрямую, а через посредничество Фонда. Япония согласи-

лась передать Фонду 100 млрд долл. Центральные банки экономически развитых государств также поддержали эти решения своими финансами. От стран ЕС в 2009–2011 г., как свидетельствуют открытые источники, привлечено около 100 млрд долл. Достаточно сдержанно к увеличению капитала Фонда относятся США. Они постоянно затягивают ратификацию решений о пересмотре квот. Так, по 14-му пересмотру (декабрь 2010 г.), согласно которому Соединенные Штаты должны были перечислить МВФ 60 млрд долл., ратификация произошла только в конце 2015 г. Но дело, скорее, не в жесткой экономии бюджетных средств, на что ссылается Америка, а в сокращении доли США в Фонде. В прошлом году она составляла около 17%, при пересмотре по решению декабря 2010 г. снизилась до 16,4%. Блокирующий пакет, а это 15%, сохраняется, но угроза потерять влияние присутствует. Надо учитывать, что по этому же решению страны БРИКС будут иметь 14,2% квот, а это государства с быстрорастущими экономиками, и, конечно, они будут стремиться нарастить свое влияние в Фонде. Да уже и сейчас, заручившись поддержкой даже нескольких государств, БРИКС может потенциально заблокировать любое решение МВФ. Но это дело большой политики, а Беларуси надо решать собственные задачи в непростом окружении глобальных проблем и внутренних трудностей.

Безусловно, власти нашей страны прекрасно понимают, что темпы преобразований должны быть более активными. Но и шока нельзя допустить – это было возможно, хотя и не безболезненно, в начале 1990-х г., а сегодня уже иное время, и стабильные отношения в гражданском обществе надо сохранять, развивать демократические и рыночные институты, создавать масштабно новый класс собственников. Таким образом, можно считать, что в наших условиях приемлем исключительно эволюционный, последовательно реализуемый путь экономических реформ, при этом без отклонения от принципов «Вашингтонского консенсуса». Однако у некоторых финансистов уже становится правилом бросаться из одной крайности в другую. Да, денежная эмиссия – это зло, которое провоцирует инфляцию, губит сбережения, порождает неуверенность в обществе. . . Негативные процессы можно перечислять долго. Но жесткая денежно-кредитная политика, которая взята на вооружение Национальным банком сейчас и поддерживается Правительством, ведет к другому, не менее тяжелому последствию – сокращению производства. И это серьезный вызов для нашей экономики. Если угаснет производство, а оно в Беларуси крупнотоварное, то не поднимется уже никогда. Что получим в итоге? Наивно рассуждать, что потом будет новая и эффективная экономика и конкурентоспособные предприятия. Так не бывает: ни отечественные, ни зарубежные инвесторы всерьез не станут рисковать. Выход один – реализация комплексных взаимосвязанных мер

как на стороне производства и управления, так и на стороне стимулирования спроса. Причем умеренная денежно-кредитная политика, доступные кредиты, стимулирующий экспорт обменный курс белорусского рубля – это необходимые условия повышения эффективности функционирования действующих секторов экономики, зарождения и укрепления на рынке новых производств. А инфляция в этой ситуации – «термометр» экономики, чтобы управленческие решения принимались вовремя, были актуальными и последовательными действия, чтобы не было ни перегрева, ни мертвого холода в пустых безлюдных цехах.

Утверждения ряда должностных лиц и простых обывателей о вреде модернизации, нерациональности поддержки предприятий сферы материального производства – это или заблуждение, или элементарная экономическая безграмотность. Рассуждать так могут только те, у кого есть за что жить сегодня и завтра. А что ответить многотысячным коллективам, чьи предприятия горячие головы хотят закрыть? Рекомендовать рабочим идти в официанты? Так и многие рестораны закрываются сейчас из-за не востребо-ванности. Опять, почему? Потому что недостаточная конкурентоспособность промышленных предприятий. И она усугубляется из-за отсутствия возможностей их доступной кредитной поддержки. Совокупность этих и иных факторов ведет к недостатку оборотного капитала, прекращению техперевооружения и модернизации, завышенный курс белорусского рубля также тормозит экспорт. В результате у рабочего нет должной зарплаты, часть которой его семья принесла бы в тот же ресторан или потратила на оплату иной услуги.

Банки и некоторые экономисты Правительства пугают власть высоким корпоративным внешним валютным долгом. Ситуация трудная, действительно. Одним из факторов этого является то, что на протяжении уже ряда лет получить рублевые кредитные средства на внутреннем финансовом рынке затруднительно и дорого.

Во всем должен быть разумный и сбалансированный подход. Крайние решения, как правило, таят в себе очень тяжелые последствия, и об этом неоднократно говорилось соответствующим должностным лицам. С данным утверждением не согласны многие оппоненты, и понятно желание активных рыночников форсировать процесс структурных преобразований. Но возможно ли, шагнув из «развитого социализма» в государственный капитализм, который, по мнению доктора экономических наук К.В. Рудого, присущ современному этапу экономического развития Республики Беларусь [3], быстрыми темпами бежать в капитализм империалистический, рыночный? Будет ли при этом обеспечена социальная лояльность к этим реформам? Как общество их воспримет? Вопрос не только политический, но и социогуманитарный.

Во избежание обвинений в субъективизме и неоимпериализме процитируем Дж. Стиглицца, лауреата Нобелевской премии по экономике и главу Всемирного банка с 1997 по 2000 г., заявившего, что МВФ в 1980-х гг. не только «в идеологическом раже насаждал идею превосходства рынка», но и придавал своей роли «явные признаки империализма». По мнению Стиглицца, многие предложения, на которых настаивал Фонд, например преждевременная либерализация рынка капитала, приводили к нестабильности в мире. «Рабочие места постоянно сокращались, потому что приток и отток спекулятивных денег, частых спутников либерализации рынка, не оставляли камня на камне от экономики», — пишет он и добавляет, что «даже в тех странах, где был отмечен рост, принес он плоды богатым и очень богатым» [4].

Кеннет Рогофф (главный экономист МВФ в конце 1990-х гг.) в категорической форме отвечает Стиглиццу: «Если правительство, которому не хватает денег, начинает их печатать, то это порождает инфляцию, с которой зачастую страна не в силах справиться» [5].

Профессор И. М. Лемешевский, рассуждая о положении дел в экономике Беларуси, задает вопрос: «С каким кризисом мы имеем дело — с системным, трансформационным или кризисом сбыта?» [6]. Не втягиваясь в длительную дискуссию, отметим, что речь идет о комплексности и последовательности экономической политики на этапе от директивной экономики к социально ориентированной рыночной.

Так, денежно-кредитная политика Республики Беларусь со второй половины 90-х гг. прошлого столетия уже носила явно выраженный рыночный характер, валютный рынок при этом стал либеральным. Но развитие сферы материального производства и услуг не было инновационным, экономика в основном оставалась регулируемой государством. Не произошло реформирования отношений собственности, доступ к финансовым ресурсам осуществлялся преимущественно путем директивного кредитования. Для увязки этих дисбалансов использовались средства бюджета (льготирование процентных ставок, исполнение обязательств несостоятельных заемщиков), а для поддержания обменного курса расходовались золотовалютные резервы.

Вторая проблема была порождена квазивалютой, когда Национальный банк скупал свободно конвертируемую валюту коммерческих банков, ценные бумаги банков, республиканских и местных органов власти и включал все это в кредитный оборот. В дополнение ситуация усложнялась значительной прямой денежной эмиссией. Все это в совокупности привело к разовым и перманентным девальвациям национальной валюты, обвалу цен и снижению золотовалютных резервов.

«Инфляционная модель экономического роста» в нашей стране в 2002–2010 гг. масштабно обновила материальную

базу производственной и социальной сфер экономики, а отдельные отрасли вообще получили новое качество, однако привела к серьезной разбалансированности, последствия которой приходится устранять до сих пор. Драматизировать ситуацию не стоит. Надо проводить структурные реформы в экономике, открывать ее для зарубежных инвесторов, формировать обменный курс национальной валюты на рыночных принципах, иначе те ограничения денежного предложения, которые активно проводят в настоящее время Национальный банк и Правительство, не дадут желаемого эффекта.

Известный историк Нил Фергюсон утверждает, что «заявленная цель большинства регулирующих органов — обеспечение стабильности в секторе финансовых услуг: так, думают их руководители, удастся защитить потребителей — клиентов банков и «реальную» экономику, опирающуюся на промышленные предприятия. . . Отсюда вывод: здравомыслящие «надсмотрщики» (и политики) должны из кожи вон лезть, лишь бы предотвратить возможное банкротство крупного финансового игрока — особенно, если в дело замешаны выгоды населения» [7].

В данной статье недостаточно отражены вопросы денежно-кредитной политики, особенно в части рекомендаций по выходу из настоящего кризиса. Это может быть предметом самостоятельного научного исследования. Но, может, внимая рекомендациям Нила Фергюсона, имеет смысл посмотреть на опыт США, когда, выходя из кризиса 2007–2009 гг., они в целях обеспечения своего экономического роста произвели эмиссию на сумму около 8 трлн долл, проводя политику количественного смягчения и «очищая» банковскую систему от так называемых «токсичных активов». При этом во избежание галопирующей инфляции часть денежной массы направили на увеличение банковских резервов. В результате появились источники для кредитования. Понятно, что инструменты, доступные эмитентам мировых резервных валют, не доступны остальным. Но когда у отечественных коммерческих банков проблемы с ликвидностью и высокие процентные ставки по новым кредитам делают эти кредиты недоступными, надо взвешенно, без крайностей проанализировать возможность всех инструментов, включая источники капитализации банковской системы. Кроме того, целесообразно было бы, например, часть средств китайских кредитных линий предоставить белорусским коммерческим банкам, что усилит их ресурсную базу и будет способствовать повышению эффективности проектов, реализуемых за счет китайских кредитов. Противники — монетаристы данных подходов — утверждают, что это повлечет за собой неэффективное кредитование. С таким мнением согласиться нельзя: наращивать ресурсную базу коммерческих банков надо, а кредитовать неэффективные проекты нельзя ни при каких обстоятельствах.

Процесс перехода в полном смысле к социально ориентированной рыночной экономике надо завершить спокойно, эволюционно, под контролем государства. Иначе неопределенность будет порождать более глубокие трудности, на устранение которых потребуются больше времени, а издержки будут весьма ощутимыми. Кстати, даже Китай, демонстрируя замечательные успехи в развитии экономики, пришел к выводу, что не следует успокаиваться на достигнутом, а нужно идти на преобразования, понимая, что без них увеличиваются риски и ограничиваются возможности для макроэкономического маневра.

Безусловно, есть общие принципы, есть цели государства, цели корпораций, цели простого человека. Попытки разделить этот триумвират или стремление кому-то одному из троих названных получить одностороннюю выгоду завершаются неудачей системы. Государство и финансовый рынок всегда и везде существовали в симбиозе. Но при этом возникает вопрос приоритетности: что первично?

Резюме: сбалансированность социально-экономического развития возможна только при комплексном подходе в регулировании всех ключевых процессов в экономике — денежно-кредитных, структурных, инвестиционных — при жесточайшей дисциплине, искоренении бесхозяйственности и инертности кадров.

Для того чтобы экономика Беларуси начала активно работать в новых условиях, она должна быть готова к эффективным расходам. Перед страной стоит очень серьезный вызов — вызов с точки зрения рационального использования каждого рубля. Вопросом, определяющим перспективу развития, является отказ от воспроизводства «экономики невостребованной продукции» и реализация на практике экономической политики, сопровождаемой перманентной качественной инновационной структурной модернизацией.

Невозможно не согласиться с мнением ученых Национальной академии наук [8] на предмет того, что именно наука — неперенный атрибут любого государства, ставящего перед собой амбициозные цели развития в русле современных тенденций мировой экономики и нарождающихся новых укладов. Это же подтверждает и мнение Главы государства: «Экономика знаний — это залог нашей конкурентоспособности и выживания в современной глобальной цивилизации» [9]. Игнорирование научно-инновационной безопасности в условиях кризиса чревато стратегическим поражением в глобальной конкуренции. Только общество, основанное на знаниях, способно выработать адекватный ответ на вызовы современности, обусловленные ограниченностью природных ресурсов, разрешить противоречия между потребностями и возможностями человека, определить общецивилизационные контуры устойчивого развития и обеспечить их реализацию.

Научно-техническая и инновационная политика в странах авангарда имеют приоритетный статус в системе государственного регулирования ввиду осознания их роли в обеспечении научно-технологической безопасности, для устойчивого экономического развития и повышения качества жизни населения, которые достигаются посредством практического использования инноваций, создания дополнительных рабочих мест, увеличения бюджетных поступлений за счет производства наукоемкой продукции и роста доходов населения, повышения образовательного уровня, решения экологических и социальных проблем.

В Беларуси должна быть создана всеобъемлющая среда научно-инновационного развития, сочетающая четкий и прозрачно действующий набор факторов, условий и мер, ориентированных на оптимизацию процессов получения новых знаний, их передачи в реальный сектор экономики и продуктивное использование в интересах общества и государства. Прорывная интенсификация данного процесса требует преодоления многолетних тенденций хронического недофинансирования отечественной науки. В 2014 г. внутренние затраты на научные исследования и разработки (в процентах к ВВП) достигли самого низкого значения за последние десятилетия (0,52%), что существенно ниже среднеевропейского (2%) и критического порога экономической безопасности (1%).

Бюджетное финансирование фундаментальных исследований стратегического характера также является очевидно недостаточным. К примеру, доля государственных расходов на НИОКР в ВВП «малых» развитых европейских экономик — Нидерландов (0,93%), Австрии (0,88), Швеции (1,08), Дании (1,02), Финляндии (1,09%) — в разы превышает уровень Беларуси (0,2%). Соответственно, экономия совокупных ресурсов нашей страны даже при полном отказе от собственных исследований и разработок невелика и единовременна, а вот последствия негативны и необратимы. Развитие интеллектуального, научного потенциала нации — это ответственность власти перед нынешним и будущим поколениями, один из ключевых вопросов национальной безопасности государства.

От мотивации к инновационному поведению и от отдачи, которую приносит труд каждого человека, будет зависеть будущее суверенной Беларуси, поэтому вложения в исследования и разработки со стороны бизнеса также должны активно стимулироваться и нарастать. Государству необходимо сосредоточиться на научно-инновационной безопасности: качественной характеристикой обновленной модели экономического развития должна стать высокая наукоемкость ВВП — порядка 2–3%, а реальные результаты в построении инновационного общества — «экономики знаний» — быть главным критерием оценки работы.

Проведение в Беларуси структурных реформ, способных обеспечить устойчивое повышение конкурентоспособности в долгосрочной перспективе, также должно основываться на объективном анализе сильных и слабых сторон национальной экономики, представленном в результатах социологических исследований, данных международных рейтингов, докладах международных организаций, рекомендациях экспертов. Как свидетельствуют материалы Национальной академии наук [8], по ведущим международным рейтингам пока не достигнуты ранее запланированные цели: по вхождению республики в число 30 лучших стран по условиям ведения бизнеса в рейтинге Всемирного банка и по Глобальной конкурентоспособности в рейтинге Всемирного экономического форума.

В то же время нельзя не отметить, что в Глобальном индексе инноваций Беларусь прибавила 5 позиций и добралась до 53-го места, продолжив положительную тенденцию 2014 г., когда был совершен рывок на 19 пунктов. А в Индексе развития электронного правительства республика переместилась на 6 мест вверх — до 55-го. Согласно данным опубликованного в декабре 2015 г. Отчета ООН, нашей стране удалось достичь цели вхождения в топ-50 стран по Индексу человеческого развития, утвержденной в Программе деятельности Правительства Республики Беларусь на 2011–2015 гг.

Таким образом, несмотря на то что по уровню благосостояния за последние два десятилетия разрыв с лидерами мирового сообщества уменьшился по многим социально-экономическим параметрам (к примеру, по уровню развития человеческого капитала мы вошли в группу передовых стран), по уровню экономической эффективности историческое отставание сохранилось, более того, налицо риски его нарастания, и только реализация инновационного сценария развития позволит добиться кардинального повышения производительности труда.

Глобальный экономический кризис не мог не сказаться негативно на экономике Беларуси, которой, как малой экономике, было всегда непросто, а в современных условиях инструментов и возможностей крайне недостаточно.

Поэтому укрупненно приоритеты могут быть следующие:

- проведение структурных реформ в соответствии с национальными особенностями;
- стимулирование развития путем активной инвестиционной деятельности с привлечением прямых иностранных инвестиций, а также средств от приватизации, мотивации проектов государственно-частного партнерства и иных неэмиссионных и небюджетных капитальных вложений;
- содействие росту экспорта;
- целенаправленная работа по созданию новых рабочих мест, в первую очередь в высокотехнологичном секторе;
- развитие сферы услуг, малого и среднего бизнеса.

При этом не следует драматизировать ситуацию с банкротством и экономической несостоятельностью отдельных хозяйствующих субъектов. Так устроен мир: тот, кто не выдерживает конкуренции, кто приносит убытки собственнику, должен сойти с дистанции. Другое дело, если процесс банкротства носит массовый характер. В этом случае необходимо корректировать макроэкономические условия, в которых работают предприятия. Необходимо также строго руководствоваться базовыми показателями национальной безопасности, своевременно принимать управленческие решения для перехода в стабильную зону тех из них, которые по пороговым значениям выходят за опасные пределы.

Мнения практически всех исследователей о фундаментальных причинах кризисов существенно отличаются между собой. Уважая научную мысль, полагаю, что наиболее близок к объективной оценке этого явления известный английский экономист Дж. М. Кейнс, который считал, что кризис — это результат взаимодействия между движением национального дохода, потреблением и накоплением капитала с учетом психологических факторов. Если добавить к этому позицию представителя монетарной теории М. Фридмена о колебаниях денежной массы, то будем иметь своего рода базовую основу причин кризиса в современных условиях.

Следует отметить, что экономика страны может быть успешной в том случае, если она развивается по общепринятым экономическим законам, является открытой для партнеров и при этом обеспечивается требуемый уровень конкурентоспособности. Для этих целей существуют международные нормы и правила, однако необходима их суверенная «настройка», что должно учитываться и национальным Правительством, и международными организациями, членом которых является Беларусь или с которыми сотрудничает. ■

Литература

1. «Коммерсантъ», Январь, 2015.
2. Кротов М. М., Мунтян В. И. Антикризисная модель экономического развития России // Проблемы современной экономики. 2015, №2. С. 7–14.
3. Финансовая диета: реформы государственных финансов Беларуси / К. В. Рудый [и др.]; под науч. ред. К. В. Рудого. — Мн., 2016.
4. Joseph E. Stiglitz. Globalization and Its Discontents. New York, 2002. P. 12, 14, 15, 17.
5. The Fund Bites Back? — The Economist, 4.7.2002.
6. Мы еще будем гордиться экономикой своей страны. Вместе с внуками. СБ—Беларусь сегодня. 17 декабря 2015 г.
7. Восхождение денег / Нилал Фергюсон; пер. санг. А. Коляндра, И. Файбисовича. — М., 2013. С. 379.
8. Научно-аналитический доклад. Институт экономики НАН Беларуси «О негативных тенденциях в социально-экономическом развитии Республики Беларусь, предложениях НАН Беларуси по их преодолению и обеспечению устойчивого сбалансированного развития Республики Беларусь в 2016–2020 годах». Мн., 2015.
9. Предвыборная программа Александра Лукашенко: «За будущее независимой Беларуси». Электронный ресурс: <http://www.belta.by/politics/view/vybyory-2015.—programma-kandidata-v-prezidenty-respubliki-belarus-aleksandra-lukashenko-162915—2015/>.